

© Чернышова Е.А.

пер. Д. В. Складнева. — С-Пб : Владимир Даль , 2004. — 456 с.

10. Бадью А. Этика: Очерк о сознании зла / А. Бадью ; пер. В. Е. Лапицкого. — С.Пб : Mashina , 2006. — 126 с.

11. Левинас Э. Бог и философия / Эмманюэль Левинас ; пер. с фр. Н. О. Лосский. — М. : Терра , 1999. — 327 с.

12. Левинас Э. От существования к существующему / Э Левинас ; пер. с фр. Н. О. Лосский. — М. : СПб. : Университетская книга , 2000. — 265 с.

Стаття надійшла до редакції 20.01.2011

Чернышова Е. А., аспирантка Одесского национального политехнического университета, кафедры философии и методологии науки.

УДК 161

ПОНЯТИЕ «РАЦИОНАЛЬНОЕ» В НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Целью данной статьи является рассмотрение понятия «рациональное» в научной рациональности через сравнение оснований классического и неклассического способа мышления.

Ключевые слова: основания рациональности, классическая, неклассическая рациональность, способ мышления.

Головною ціллю цієї статті є розуміння поняття раціональне в науковій раціональності через аналіз змін основ класичного та некласичного способу мислення.

Ключові слова: основи раціональності, класична, некласична раціональність, спосіб мислення.

This article is about understanding of concept "rational" in scientific rationality through the analysis of the changes in foundations of classical and non-classical method of thought.

Key words: foundations of rationality, classical, non-classical rationality, method of thought.

В своей работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль, размышляя о кризисе наук, его причинах, говорит, что «кризис какой-то науки означает, что ставится... под сомнение её подлинная научность, весь её способ постановки задач и методология» [3; с. 54]. Действительно, начиная с XIX в., классическая наука меняется, иной становится научная картина мира, расширяется сфера научного познания, соответственно изменяется и методология, и способ постановки задач. Основную причину кризиса наук Гуссерль видит в том, что понимание науки, которое привносит позитивизм, по сути, уничтожает как философию, так и науку, отбрасывая важнейшие метафизические вопросы, и тем самым обезглавливая универсальную философию, лишая науку веры в идеалы и значимость новых методов [см.: 3; с. 65]. Позитивизм, по мысли Гуссерля, сводит науку к голой фактичности, которая, если обратиться к классической философии, всегда занимала более низкое место, - как отмечал Лейбниц, истины факта всегда ниже истин разума: «Истины разума необходимы, и противоположное им невозможно; истины факта случайны и противоположное им возможно» [4; с. 418].

По сути, кризис как науки, так и философии, о котором говорит Гуссерль, есть ничто иное, как кризис классического образца рациональности, когда меняется способ мышления. Таким образом, основной задачей данной статьи является рассмотрение изменений классического образца научной рациональности, понимания познающего разума и, соответственно, понятие «рациональное» в научном мышлении.

Основной проблемой определения рационального в современном мышлении является то, что не ясно, где проходит граница рационального и не-рационального. Традиционно не-рациональным, то есть тем, что не относится к сфере разума, принято считать чувства, страсти, ценности – то есть то, что относится к субъекту познания. Такой идеал рациональности, присущий философии Нового времени, обоснован определенным пониманием разума. Познающий разум должен открывать истины, которые можно доказать, а путь доказательства должен быть прозрачным и повторяемым при сходных условиях. Очевидно, что чувства, ценности, аффекты с такой позиции невозможно включить в процесс познания, а значит и в сферу рации. Но со времен постпозитивизма даже такая «догматичная» область знания, как естественная наука, меняет понимание познающего разума, включая в процесс познания и образец рациональности интуицию, понимаемую, безусловно, не в

декартовском смысле, как, к примеру, чувство, приходящее с мастерством на некотором уже бессознательном уровне, личностное знание, ценностные установки. К примеру, М. Полани, исследуя роль личностного знания в научном открытии, отмечает: «...Следует признать интуицию, внутренне присущую самой природе рациональности, в качестве законной и существенной части научной теории» [6; с. 36-37]. Научные открытия рассматриваются современными мыслителями как творческий акт, определенное прозрение, не лишенное черт того, кто это открытие совершает, а не как неизбежное вскрытие объективных законов природы. Всё это свидетельствует об изменениях в научном мышлении, в основаниях рациональности.

Как известно, науки, в их современном понимании, начинают формироваться в Новое время, когда и был создан определенный, так называемый, классический образец рациональности. Рациональностью я называю определенный способ мышления, построенный на тех или иных основаниях. В Новое время оформляется определенный образец рациональности, который накладывается и на искусство, и на науку, и на философию. Эти области знания были взаимосвязанными, а значит и влияющими друг на друга в проекте Нового времени. Более того, как отмечает Порус: «Корни научной рациональности уходят в почву философского мировоззрения» [7; с. 12]. В Новое время существовал единый образец рациональности, который, с одной стороны, стимулировал развитие естественных наук, и одновременно формировался под воздействием этих наук, с другой.

По сути, классическая наука зарождается тогда, когда человек принял допущение, что познание сотворенной природы доступно человеку. В рамках классического типа рациональности считалось, что и человек, и природа наделены «разумностью», которую необходимо обнаруживать - открывать законы, чтобы познать объективную истину. Разум понимался вне истории, как нечто вечное, характеристика человека как такового, а значит истины, открытые разумом, тоже вечные, ведь, как отмечает Гайденок, «...изменчивость и вариабельность признак заблуждения, возникающего в силу субъективных привнесений» [2; с. 4]. Так формировалась граница рационального и не-рационального. То есть, чтобы открыть объективные истины, необходимо познавать законы природы при помощи познающего разума, из которого нужно исключить все недоказуемое, противоречивое, субъективное – чувства, ценности, поскольку противоречия считались ошибками в познании, не присущими бытию. Более того, для классической научной рациональности, важным критерием истинности была возможность повторяемости опыта, подтверждающего тот или иной закон природы, безусловно, сложно в этом опереться на изменчивые чувства или ценности. Таким образом, в рамках научной классической рациональности граница между тем, что присуще сфере разума, и тем, что из нее исключено, пролегла четко: рациональным являлось все, что доказуемо, логически непротиворечиво, повторяемо в опыте.

Следовательно, основания классического идеала рациональности, такие, как постулирование Бога в качестве высшего разума, который являлся гарантом существования объективной истины; полагание, что человек может открыть эти истины; определение высшего разума, устройства этого мира, да и познающего разума непротиворечивыми, простыми, открытие же противоречий указывало на ошибки в познании; создавали условия для возникновения образа науки, лишенного субъективности – действовала жесткая субъект-объектная схема, в которой субъект и объект разделялись; - случайности – все явления объяснялись при помощи причинно-следственной связи; - противоречий – логика была той схемой, в которую укладывались все истины и рассуждения.

Изменение идеала рациональности и того, что понимается как рациональное и не-рациональное происходит тогда, когда, с одной стороны, познающий разум отказывается от идеи высшего разума и объективной истины (уже Конт призывает открывать относительные истины), а с другой стороны, - когда открывается и в философии, и в науке, и в других областях знания противоречивое устройство бытия. В рамках современной картины мира нет единого образца рациональности, как это было в классической парадигме, поскольку претерпели изменения как философия, так и науки.

Э. Гуссерль, рассматривая причины кризиса наук, представляет позитивизм, который усомнился в философии как царице наук, в качестве противоестественного явления, приведшего науки к кризису, поскольку, сосредоточившись на «голых», доказуемых фактах, наука лишает себя смысла, отбрасывая важнейшие, ключевые вопросы. Ведь, по сути, отказавшись от собственно философских или метафизических вопросов, таких, как проблема «истинного, правильного, разумного познания», «подлинной ценности как ценности разума», «Я как разумного существа», «смысла и разума в истории», «абсолютного разума» и т.д., позитивистское понимание науки меняет образец рациональности, да и сам облик и функции науки. Мыслитель пишет: «Все эти «метафизические» в

широком смысле вопросы, собственно философские в обычном смысле слова выходят за пределы мира, отождествляемого с универсумом простых фактов. Они выходят за его пределы, будучи вопросами, смысл которых – в идее разума. И все они претендуют на более высокое место по сравнению с вопросами о фактах, занимающие в иерархии вопросов более низкое место. Позитивизм, так сказать, обезглавливает философию» [3; с. 61-62].

Но с другой стороны, позитивизм, с его отказом от недоказуемых, противоречивых метафизических вопросов является последовательным раскрытием тех идей, которые были заложены в классическом идеале рациональности изначально (одной из основных недоказуемых, противоречивых идей является полагание Бога как высшего разума, что было замечено Кантом, который объявляет вопрос о существовании Бога антиномией). Следовательно, в самом идеале рациональности, в котором, на первый взгляд, четко пролегла граница между рациональным и не-рациональным, основа является «не-рациональной», а попытка убрать эту основу приводит к кризису как науки, так и философию. Долгое время наука, обнаружив это противоречие в идеале рациональности, скрывается за истины фактов, принимая философию позитивизма. Но как правильно отмечает Гуссерль и постпозитивисты, сведение науки к пусть и проверяемым, и доказуемым фактам саму науку обедняет, приводит к упадку, лишает какого-то высшего смысла. Таким образом, человеческая мысль вынуждена обращаться к тому, что в рамках классического образца рациональности считалось не-рациональным.

По сути, отказавшись от не-рациональной идеи Бога как разума (и отказ этот происходит уже в эпоху Просвещения – так называемую, эру разума, но философия эпохи Просвещения скорее представляет собой «аномалию» в куновском смысле, то есть знание, противоречащее доминирующему образцу рациональности, поскольку объявляется вера в прогресс разума, и классический способ еще какое-то время), классический образец рациональности лишается и обоснования объективной истины, а значит, в каком-то смысле, и цели познания. Возникает новый способ мышления или, так называемый, неклассический образец рациональности, который зачастую строится, в противостоянии классическому.

Если прибегнуть к рассуждениям Степина, в которых он раскрывает развитие науки, то положения неклассического и постнеклассического периодов, по сути, прямо противоположны положениям классической науки, поскольку меняется, в первую очередь, способ мышления, образец рациональности, понимание разума, а значит, и то, что полагается рациональным и не-рациональным: как известно, для классической парадигмы науки характерны исключение всего того, что относится к субъекту, наделение разума статусом суверенности, построение абсолютно истинной картины природы, что, очевидно, вытекает из определенных воззрений на мир, который наделен высшим разумом и абсолютной истиной, и роль человека в этом мире заключается в познании законов высшего разума - объективной истины, и, следовательно, не уместно приносить в это познание нечто субъективное, противоречивое, поскольку оно к сфере разума не имеет отношения, оно не истинно [см.: 10; с. 292-302].

Но с изменением данного способа мышления, меняется и понимание рационального и не-рационального в познании, и основные положения самой науки. К примеру, в неклассическом образце (в данном случае не столь суть важно различие на неклассическую и постнеклассическую парадигмы, которую вводит Степин, так как основания неклассического и постнеклассического образца рациональности скорее дополняют друг друга, нежели противостоят), поскольку выявляется противоречивость мира, человека и разума, человек ставит под сомнение существование суверенного разума и истины, (открытия эти совершают, так называемые, «философы подозрения» Ф. Ницше, З. Фрейд и К. Маркс) и вообще отменяется классическая цель познания неопровержимой истины; трансформируется научная картина мира, познающий субъект включает в научное познание ценностные установки, этические принципы, разум рассматривается как находящийся внутри изучаемого мира, детерминированный им, замечается важнейшая роль средств и методов познавательной деятельности, вскрыта обусловленность научного познания как особой части жизни общества социальными условиями, состоянием культуры, ценностными ориентациями, мировоззренческими установками [см.: 10; с. 292-302].

Таким образом, изменение образца рациональности трансформирует и понимание разума, и границу рационального и не-рационального. Естественно, меняет картину мира и открытие противоречивого устройства бытия. В рамках Нового времени полагалось, что природа и человек, сотворенные Богом, противоречий не содержат. Мыслители Нового времени, меряя все рассуждения формой логики, не допускали ни в разум, ни в познание, ни в само устройство бытия двойственность,

что представляло собой основание классического способа мышления. Соответственно, можно отметить, что всякий раз меняется парадигма, когда ставится вопрос о её основаниях, поскольку в периоды нормальной науки все её основания отнесены в «область коллективного бессознательного» [см.: 9; с. 63].

Но, отказавшись от Бога как от высшего разума, и лишившись тем самым гаранта существования объективной истины человеческая мысль, поставив под сомнение все основания классической рациональности, открывает также противоречивое устройство психики, противоречивое устройство социального бытия, подмечается, что логика скорее полезна, нежели более истинна, чем не-логика. Позднее в науке противоречивость бытия подтверждают законы микромира, двойственная природа кванта, принцип дополнительности.

Изменение способа мышления, оснований рациональности, понимания рации, в конечном итоге, приводит к изменению основных категорий научного мышления, и объяснения картины мира, а также разводит научную рациональность и рациональность вообще. К примеру, Пригожин, создавая философию нестабильности, вводит в науку понятия нестабильности, непредсказуемости, времени, которые были недопустимы в детерминированном, а значит и контролируемом образце науки Нового времени [см.: 8; с. 46-57]. Башляр отмечает усложнение понятий не в процессе применений, как полагалось ранее (сами по себе понятия считались простыми и ясными, а применения всегда в той или иной мере грубы), а в самом начале, на уровне принципов [см.: 1]. Талбот, опираясь на таких ученых как Прибрам и Бом, вводит теорию голографической парадигмы вселенной, согласно которой «...наша осязаемая повседневная реальность на самом деле – всего лишь иллюзия, наподобие голографического изображения» [11; с. 27]. Следовательно, сфера исследований ученых гораздо расширилась, а значит и отодвинулась граница рационального и не-рационального. Например, автор голографической парадигмы утверждает, что с её помощью можно исследовать и паранормальные явления, и любой мистический опыт [см.: 11; с. 28], что, безусловно, недопустимо было для классического ученого, поскольку не попадало в сферу рационального, то есть не могло, по сути, быть объектом познания.

Таким образом, рассмотрев изменение способа мышления, оснований классической и неклассической рациональности, очевидно, что произошли и изменения понимания рационального и не-рационального. Согласно классическому образцу рациональности с его полаганием Бога как высшего разума и гаранта существования объективной истины, что давало цель и пути познания (доказуемость, повторяемость опыта, непротиворечивость), рациональным, соответственно, считалось доказуемое, повторяемое в опыте, непротиворечивое знание. Но, отказавшись от идеи высшего разума и абсолютной истины, открыв противоречивое устройство бытия, человеческая мысль вынуждена была изменить основания рациональности и способ мышления, что в свое время привело к кризису философии и науки: утрата веры в абсолютный разум, привел к тому, что человек «...теряет веру «в самого себя», в собственное разумное бытие...» [3; с. 70]. Впоследствии человеческая мысль, чтобы разрешить этот кризис, меняет понимание разума, отодвигает границу рационального и не-рационального. Так, усложнилась картина мира, в сферу научного разума попадают ценностные установки, личностное знание, расширяются объекты познания ученого, меняются базовые категории научного познания, такие, как нестабильность, непредсказуемость, случайность и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Башляр Г. Новый рационализм [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.ihtik.lib.ru>.
2. Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века / П. П. Гайденко // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 3-14.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль // Вопросы философии. — 1992. — №7. — С. 54-73.
4. Кун Т. Структура научных революций [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.ihtik.lib.ru>.
5. Лейбниц Г. В. Монадология. Сочинения в четырех томах / Г. В. Лейбниц ; пер. Д. С. Грузиновой. — М. : Мысль, 1982. — Т. 1— 429 с.
6. Полани М. Личностное знание [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.ihtik.lib.ru>.
7. Порус В. Н. Рациональность философии как ценность культуры / В. Н. Порус // Полигнозис.

© Яковенко М.Л.

— 2003. — № 2. — С. 3-21.

8. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46-57.

9. Романовская Т. Б. Рациональное обоснование вненаучного / Т. Б. Романовская // Вопросы философии. — 1994. — № 9. — С. 56-78

10. Степин В. С. Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов : [учеб. пособие]. — М. : 1996. — 302 с.

11. Талбот М. Голографическая вселенная / М. Талбот ; перев. с англ. А. Д. Кальтов. — М. : Издательский дом «София», 2004. — 368 с. — (Первоисточник).

Стаття надійшла до редакції 21.01.2011

Яковенко М. Л., кандидат філософських наук, доцент кафедри світової філософії та естетики Східноукраїнського національного університету ім. Володимира Даля.

УДК 18:001.11+008.001.14

АНТИЧНИЙ СВІТ ЕСТЕТИЧНОГО

У статті розглядаються етапи становлення категорій античної естетики (доплатонівський період) в контексті змін простору культури. Аналізуються базові категорії естетики, умови їх виникнення і змістовного перетворення в рамках різних філософських шкіл старогрецької культури.

Ключові слова: естетичне, прекрасне, гармонія, філософські концепції, простір культури.

В статье рассматриваются этапы становления категорий античной эстетики (доплатоновский период) в контексте изменений пространства культуры. Анализируются базовые категории эстетики, условия их возникновения и содержательного преобразования в рамках различных философских школ древнегреческой культуры.

Ключевые слова: эстетическое, прекрасное, гармония, философские концепции, пространство культуры.

Stages of formation of categories of ancient aesthetics (PrePlaton period) in the context of changes in the space of culture are reviewed in this article. Basic categories of aesthetics and the circumstances of their occurrence and meaningful transformation in the various philosophical schools of ancient Greek culture are analyzed.

Key words: aesthetical, beautiful, harmony, philosophical concepts, space of culture.

У епоху естетизації філософського дискурсу значно зростає інтерес як до метакатегорії «естетичне», так і до тих понять, які визначають поле естетики, поступово формуючись в історико-філософському процесі.

Аналізу категорій естетики, ось вже впродовж більш за півстоліття присвячені ряд досліджень, проте, категоріальний апарат естетики значно втрачає в осмисленні змісту категорій, оскільки вони не завжди розглядаються як гармонійна складова простору культури. Ідея подібного осмислення була висунута А. Ф. Лосєвим ще в «Історії естетичних учень». Його, як зазначав автор, цікавила взагалі "історія духу", а в області античності "рішуче все – література і мова, філософія і міфологія, наука (зокрема математика і астрономія) і навіть музика". Він зосередився саме на античній естетиці, "яка і ширше за окремі проблеми античності і достатньо яскраво представлена для спеціального дослідження", та зрештою ці дослідження привели автора до "проблем історії античної культури взагалі" [Цит. за: 11]. Певні надбання культури, що складають її інформаційний простір, мають, безумовно, вплив на формування ментальних та, як наслідок, категоріальних засад, що визначають напрям розвитку тієї чи іншої філософської школи. Тому розгляд становлення понятійного апарату естетики в його історико-філософському контексті вважаємо за доцільне робити саме з урахуванням соціокультурних особливостей певної епохи.

У своїх дослідженнях ми посилятимемося на фундаментальні наукові розробки А.Ф. Лосєва, В. Татаркевича, Т. І. Ойзермана, М. Хайдеггера, А. А. Тахо-Годі які визначили суть сучасного розуміння естетичного. До найцікавіших сучасних трактувань історико-філософських аспектів естетичного матеріалу слід віднести роботи І. А. Пантелєвої (мовні проблеми античності), Ф. Ф. Зелінського (історія античної культури), А. І. Костяєва (текстуальний аналіз античності), Л. Б. Мізіної (потенційні можливості понятійно-категоріального апарату естетики) і ін.